

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

**ИЗ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ:
ПЕРВЫЙ ОПЫТ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ
ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ***

0. В 2000 году исполнилось 120 лет со дня опубликования книги «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній», которые были «записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній» и изданы в Казани в 1880 году (189 с.).

1.1. Составитель сборника священник Борис Гаврилович Гаврилов родился в крещено-татарском селе Никифорово¹ Абадинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии в 1854 году; дата же смерти в доступных мне в данный момент источниках точно не указывается².

* Объединенный и переработанный вариант докладов, прочитанных на научных совещаниях в 2000 г.: «О первом печатном памятнике устно-поэтической культуры удмуртского народа» (конференция «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания», г. Пермь) и «Произведения...» Б. Гаврилова как источник изучения диалектов удмуртского языка" (республиканская научно-теоретическая конференция «Первая грамматика удмуртского языка и развитие научного удмуртоведения, профессионального искусства и образования», посвященная 225-летию издания книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», г. Ижевск).

¹ В отдельных источниках (Владыкин, Поздеев 1980 : 48) указывается, что с. Никифорово имело татарско-удмуртское население и Б. Гаврилов с детства был двуязычным, что вызывает сомнения, поскольку Б. Гаврилов, по всей вероятности, с детства не владел удмуртским языком и изучал его во время поездок в удмуртские деревни, о чем сообщается как им самим («Въ 1873 году я жилъ в этой деревнѣ, по порученію начальства, изучая языкъ Вотяковъ...»), так и Н. И. Ильминским («Борисъ Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ былъ командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній для изученія вотяцкаго языка») (Гаврилов 1891 : 80. Примеч.). В конечном счете он, по-видимому, овладел удмуртским языком в совершенстве; так в письме к П. П. Масловскому от 7 сентября 1881 года Н. И. Ильминский охарактеризовал его следующими словами: «В Умякѣ служить священникомъ, крещенный татаринъ изъ учениковъ о. Василия Тимоѳеевича, Борисъ Гавриловъ, очень даровитый, знатокъ вотяцкаго языка...» (Харламповичъ 1907 : 163).

² Б. Мункачи, будучи в 1885 году в экспедиции у удмуртов, имел желание посетить о. Б. Гаврилова, однако его отговорили от этой возможной встречи под тем предлогом, что тот был на смертном одре (Munkácsi 1887 : VII). Е. Ф. Шумилов называет весьма неопределенные годы жизни Б. Гаврилова — «ок. 1854, д. Никифорова Мамадышского у. Казанской губ. — до 1900 Малмыжский у.» (УРЭ 262).

Образование он получил в Казанской крещено-татарской школе; кроме того, по свидетельству Н. И. Ильминского, «своимъ образованіемъ много обязанъ извѣстному ревнителю миссіонерства, дворянину Евстафию Николаевичу Воронцу» (Гаврилов 1891 : 80. Примеч.). Некоторое время работал учителем в удмуртской деревне Ашмяк Казанского уезда; в тот период использовал в качестве учебного пособия тексты, переведенные им на удмуртский язык, в их числе и некоторые книги (Владыкин, Поздеев 1980 : 48). В 1872—1877 гг.³ ездил по удмуртским деревням Казанской и Вятской губерний (или длительное время проживал в некоторых из них) с целью освоения удмуртского языка и сбора материалов по духовной культуре удмуртов⁴, и результатом этих поездок стали две работы Б. Г. Гаврилова, уже упомянутые «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» и «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода» (Гаврилов 1891)⁵.

1.2. Б. Г. Гаврилову приписывают также составление «Букваря» и перевод на казанский диалект удмуртского языка ряда религиозных книг, в их числе: «Начатки христіанскаго ученія», «О главныхъ церковныхъ праздникахъ господнихъ и богородичныхъ», «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Заѣта. На Вотяцкомъ языкѣ» (Казань 1877. 190 с.), «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея» (Казань 1877. 82 с.), «Наставленіе св. Тихона Задонскаго» (Владыкин, Поздеев 1980 : 48; Уваров 2000 : 67). Среди них наиболее значимой с точки зрения отражения дифференциальных признаков казанского диалекта и разработки последнего в качестве книжно-письменного языка является, на мой взгляд, «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Заѣта» (Св. Ист. 1877).

2. Хотя сборник «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» — не первая и не единственная книга, изданная на удмуртском языке (или с включением значительного материала на удмуртском языке) задолго до Октябрьской революции, якобы подарившей удмуртам письменность, однако он занимает исключительное положение в истории духовной культуры удмуртского народа, в частности в области гуманитарных наук. Уникальность и новаторский характер этой книги заключается в следующем.

2.1.1. Она представляет собой первый в истории филологической культуры опыт публикации большого корпуса оригинальных текстов на удмуртском языке — произведений важнейших жанров фольклора. Правда, и до нее были уже попытки издания связных текстов на удмуртском языке, однако они представляли собой либо переводы на удмуртский язык с русского (в частности, еще в конце XVIII века бы-

³ Такой срок назван В. Е. Владыкиным и П. К. Поздеевым (1980 : 48), в других источниках указываются иные даты (см. также сноску 1).

⁴ Н. И. Ильминский писал: «...не мало собрано Гавриловымъ матеріаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ» (Гаврилов 1891 : 80. Примеч.).

⁵ Е. Ф. Шумилов указывает и на третью публикацию Б. Гаврилова — «Обряды и поверья вотяков» (Казань 1887) (УРЭ 262). Эта работа мне не знакома, да и в специальном исследовании по истории удмуртской этнографии она не приводится (Владыкин, Христолюбова 1984 : 24—26, 96—97). Судя по тому, что ее название напоминает заголовок его первой книги, сведение о третьей работе Б. Гаврилова об удмуртах, возможно, представляет собой результат недоразумения.

ли переведены молитва «Отче наш» и два стихотворения (Бутолин 1941; Тепляшина 1965 : 225—233)⁶ или иного языка (например, ряд книг, изданных в Казани до и после появления сборника «Произведения...» с использованием графической системы и орфографии последних, были, по всей вероятности, переведены Б. Гавриловым с языка татар-кряшен)⁷; что же касается произведений удмуртского фольклора, опубликованных до книги Б. Гаврилова, то они либо крайне незначительны по объему⁸, либо изданы в вольном пересказе на русском языке.

2.1.2. Она является первым в России опытом научной публикации удмуртских фольклорно-диалектологических текстов в собственных записях автора, включающей — правда, не всегда полно и последовательно — почти все элементы таковой: 1) оригинальные тексты представлены в соответствующей записи (в орфографии или транскрипции) с попыткой сохранения их диалектных особенностей; 2) осуществлен перевод их на другой, более распространенный (в данном случае — русский) язык; 3) имеется паспортизация текстов и 4) последние снабжены лингво-этнографическими комментариями. В связи с названными особенностями «Произведения...» приобретают исключительную важность для удмуртской диалектологии и фольклористики.

2.1.3. Сборник выступает в качестве первого оригинального текстового источника для изучения удмуртских диалектов, преимущественно южных⁹, чему в существенной мере способствовало, с одной стороны, наличие паспортизации текстов, хотя и далеко не полной, и, с другой, попытка относительно точной фиксации составителем особенностей территориально-структурных вариантов удмуртского языка. Правда, и эти благие намерения не всегда были выполнены в достаточной мере.

2.1.4. Эта книга, наиболее популярная среди удмуртских миссионерских изданий того времени, на базе оригинальных текстов представила довольно сложную систему письма, весьма приближенного к транскрип-

⁶ Первыми книгами на удмуртском языке, как общеизвестно, являются следующие: Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Евангелия Гл. 1847 и Евангелия Сар. 1847; Блинов 1867 и др. Существование более ранних изданий — «Евангелия от Луки» (Санкт-Петербург 1824) и «Евангелия от Матфея» (Казань 1846), приводимых И. В. Таракановым в статье «Памятники удмуртской письменности» (УРЭ 539—540), весьма гипотетично; по крайней мере и сам автор выражает недоумение, из какого источника заимствованы сведения о них.

⁷ К таковым, по-видимому, относятся и книги «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта на Вотяцкомъ языкѣ» и «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея», изданные в Казани же за три года до появления сборника «Произведения...» с использованием графической системы и орфографии последних.

⁸ Еще в XVIII веке были зафиксированы и частично опубликованы Н. П. Рычковым и М. Могилиным некоторые произведения малого жанра удмуртского фольклора (Поздеев 1976 : 117—118).

⁹ Севернудмуртские диалекты уже в XVIII веке получили достаточно полное отражение в точно локализованных памятниках письменности — словаре Захария Кротова (Кротовъ 1785) и грамматике М. Могилина (Могилинъ 1786); что касается южных говоров, то «Произведения...» Б. Гаврилова являются, пожалуй, первым весьма крупным источником их изучения, имеющим относительно точную локализацию. В наиболее выгодном положении оказался казанский диалект (современные кукморский и шошминский вместе взятые), с территории распространения которого происходит основная масса фольклорных произведений, включенных в рассматриваемый сборник.

ции, ту систему, которая была уже апробирована в ряде предыдущих переводных изданий, менее доступных читателям и исследователям (напр., Св. Ист. 1877; Евангеліе 1877)). Хороша ли эта система графики и орфографии — вопрос требует более детального изучения, но практическое использование ее в других изданиях имело место в конце XIX века и после выхода сборника «Произведенія...» (напр., СВС 1892).

2.1.5. Имея в качестве приложения описание ряда календарно- и семейно-обрядовых праздников и этнографических реалий, заключающее в себе «немало новых для того времени интересных деталей» (Владыкин, Христолюбова 1984 : 25), «Произведенія...» являются ценным источником и для удмуртской этнографии.

2.2. Предлагаемая статья посвящена описанию некоторых особенностей графики и орфографии данного письменного памятника и выяснению его значения как источника изучения удмуртских диалектов.

3.1. Для записи удмуртского текста Б. Гаврилов использовал составленную им самим или выработанную миссионерским обществом особую графическую систему, включающую 47 букв:

Аа	Ее	Йй	Њњ	Сс	Ўў	Ыы
Бб	ё	Јј	н	Ѕѕ	Фф	ѣ
Вв	Жж	Кк	Оо	Тт	Цц	Ээ
Гг	Жж	Лл	Ӧӧ	Тш/тш	Чч	Юю
Дд	Зз	Љљ	Ӧӧ	Ѣѣ	Шш	Яя
Дж/дж	Ии	Мм	Пп	Уу	ь	
Дж/дж	і	Нн	Рр	Ув/ув	Ыы	

По особенностям начертания эти 47 букв делятся на следующие группы:

1) общеизвестные буквы русского алфавита, в абсолютном большинстве уже внедренные в удмуртское письмо начиная с XVIII века и сохранившиеся в удмуртском языке вплоть до наших дней (30): Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Ӧӧ, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Цц, Чч, Шш, ѣ, Ыы, Ээ, Юю, Яя;

2) одиночные общеизвестные буквы кириллицы или латиницы с определенными модификациями, дополнительными штрихами и диакритическими значками или без таковых, не закрепившиеся в современной удмуртской графике (13): Жж (= \acute{z} , \acute{z}), ё (= j , a), і (= i), Јј (= d'), Љљ (= l'), Њњ (= n), н (= η), Ӧӧ (= \acute{o} , \acute{u} , o , $j \sim \delta$), Ѕѕ (= s), Ѣѣ (= t'), Ўў (= \acute{u}), Ыы (= $j \sim \delta$), ѣ (= e);

3) сочетания букв первой и второй групп, также чуждые современной графике (4): Дж/дж (= \acute{z}), Дж/дж (= \acute{z}), Тш/тш (= \acute{c}), Ув/ув (= y).

3.2. Явная избыточность графических средств (47 букв для обозначения менее чем 40 фонем, в совокупности представленных в диалектных текстах сборника), и сочетание на практике слогового принципа письма, заимствованного из традиционной русской графической системы, с транскрипционным (с подлинно буквенным), звуковая неоднозначность некоторых графических знаков предопределили противоречивые особенности орфографии сборника: с одной стороны, дали возможность достигнуть относительной точности в фиксации фоне-

тических особенностей удмуртских диалектов, в том числе весьма сложного в фонетическом отношении казанского; с другой стороны, спровоцировали непоследовательное использование громоздкой графики; в текстах встречаются следующие случаи непоследовательного применения различных возможностей:

1) буквы *õ* и *ö* для фиксации фонемы *ô*: *Жõк вылад вõлдэм жõк кышетэд* (с. 4) (*žõk, võldem*) 'Скатерть, которая послана на твоём столѣ' (с. 75)¹⁰, *кõкы*-¹¹ (с. 5) ~ *кõкы*- (с. 32) (*kõkij*) 'колыбель', *вõт*- (с. 16) ~ *вõт* (с. 32) (*võt*) 'сон, сновидение', *Çõд нулэс çõрти çõд пылэм лыктэ* (с. 5) (*šõd, šõr-*) 'За темнымъ лѣсомъ идетъ черная туча' (с. 76), *Тõы но калпак тõы медло* (с. 10) (*tõd'ij*) 'Бѣлый колпакъ пусть будетъ бѣлымъ' (с. 80), *Ай тõл тõлоз, тõл тõлоз* (с. 27) (*tõl(-)*) 'Ахъ, дуетъ вѣтер, подуваетъ' (с. 94), *дõл*- (с. 12) (*dõl*) 'молоко';

2) специфичные или обычные согласные буквы в сочетании с последующей йотированной гласной, или даже специфичная согласная буква + йотированная / нейотированная гласная для обозначения палатальных согласных фонем:

а) согласной фонемы *d'* (*d*, *j*¹² и *ж*): *дят* (с. 18) ~ *ят*- (с. 16, 20) (*d'at*) 'чужой', *дезам* (с. 19) 'съ медной оправой' (с. 88) ~ *жез* (с. 20) (*d'ez(-)*) 'медь, медный', *Бадзым гидиçэн пичи гиче ыштыртод* (с. 49) (*gid'-*) 'Изъ большаго клѣва въ маленькй клѣвъ перетащишь' (с. 114), *тõы* ~ *тõди* (с. 50) (*tõd'ij*) 'белый';

б) согласной фонемы *ž* в сочетании с последующей фонемой *a* (-жа- или -жя-): *Шын вуэдлэн кужаяз (kuža-)* (с. 9) 'Вдоль речки Шуни', *Канисар вйлэн кужаяз* (с. 17) 'по Коньсарской рѣчкѣ' (с. 86) ~ *Та Шыңыл шурлэн кужаяз* (с. 22) 'По этой реке Шуни', *Вэтлимь нулэс кужяд* (с. 26) 'Ходили мы по лѣсу' (с. 93), *Ву кужяды õй ветлысал* (с. 33) 'Не ходиль бы я около вашей рѣки' (с. 99);

в) согласной фонемы *l'* (*l* или *л*): *жоргилиос*- (с. 4) (? *žorgil'i-/žorgil'i-*) 'воробьи', *чал* (с. 11) (*čal'*) 'подойди' ~ *люгыт* (с. 4) (*lugjt*) 'светло', *милям* (с. 14, 22) (*mil'am*) 'наш'; (сред.) *телети* (с. 62) ~ *телэти* (с. 63) (*tel'eti*) 'по лесу', *силез*- ~ *силез*- (*sil'ez*) (с. 63) 'мясо (акк.)';

г) согласной фонемы *ñ* (*ñ* или *н* с последующей йотированной буквой): *пиңал*(-) (с. 6 и др.) ~ *пинял*(-) (с. 13 и др.) (*piñal*) 'молодой; дитя', *нулэс* (с. 5) 'лес' ~ *нюлескын* (с. 57) (*ñules(-)*) 'в лесу';

д) согласной фонемы *s'* (*s* или *ç*): *мар çижомы* (с. 60) 'какой зарок дадим' ~ *мар сижоно* (с. 60) (*šiz'o-*) 'какой зарок дать'; (глаз.) *çакан* (*šakan*) 'рогожа' ~ *коçяк*- (с. 55) (*košak*) 'окно';

е) согласной фонемы *t'* (*t* или *т*): *витид*- (с. 7) (*vit'id-*) 'ты ждал' ~ *õти* (с. 37) (*õt'i*) 'я позвал, я обратился', *пунгитѣ* (с. 20, 30), *пунгитѣ* (с. 21)

¹⁰ Здесь и далее при заимствовании перевода слов, словосочетаний и предложений, извлеченных из книги Б. Гаврилова, указывается страница нахождения не только выписанного примера, но и его перевода (перевод помещен в середине книги после всех удмуртских текстов); при этом авторский стиль и орфография перевода полностью сохраняются.

¹¹ Здесь и далее звуковое содержание буквы *ы* расшифровывается как *j*, поскольку невозможно определить, какому конкретно диалекту принадлежит текст — шошминскому (*j*) или кукморскому (*ž*), сам же Б. Гаврилов графически их не различает.

¹² В отношении этого знака Б. Гаврилов писал: «Буква *Ј* у Казанскихъ вотяковъ произносится какъ *дъ*, у Вятскихъ вотяковъ она произносится какъ *і*» (Произведения 4). Правда, он употребляет этот знак не всегда последовательно.

(*pujite*) 'навстречу' ~ *пыктяском* (с. 21) (*pjkt'aškom*) 'обопрусь', *тактядэс* (с. 33) (*takt'a-*) 'вашу такью (девичий головной убор)';

ж) согласной фонемы ζ (ж или з): *жажсек-* (с. 3) ~ *жяжсек* (с. 34) (*žazek*) 'гусь', *Зяук(-)* (с. 18) ~ *Жяуиз(-)* (с. 31) (*žaik*) — река Яик;

з) буквы *ij* и *jo* для записи фонемы *i*: *кюң* (с. 3 и др.) (*küñ*) 'три', *мији* (с. 10, 50) (*müš*) 'пчела', *кюс-* (с. 5 и др.) ~ *кюс-* (с. 18, 34) (*küs*) 'поясница', *жйк* (с. 16) (?*žük/žúk*) 'воз', *нюл(-)* (с. 21 и др.) (*nül*) 'четыре';

4) буквы *u* и *i* для обозначения фонемы *i* (последняя буква в сочетаниях *-ij-*): (каз.) *кижили* (с. 5) (*kižil'i*) 'звезда' ~ *кижилиен* (*kižil'ijen*) (с. 49) 'со звездой', *сиумы* (с. 26) (*šijimj*) 'мы поели', *катанчилы* (с. 34) (*katančilj*) 'занавеске' ~ *катанчед* (с. 37) (*katančijed*) 'твоя занавеска', *кони* (с. 56) (*koñj*) 'белка' ~ *кониез* (с. 56) (*koñijez*) 'белку', (глаз.) *дөди* (с. 55) (*dödij*) 'сани' ~ *дөдиез* (с. 55) (*dödijez*) 'сани его', *кион* (с. 57) (*kijon*) 'волк';

5) буква *ň* (ñ) (при наличии букв *э* и *е*) для обозначения фонемы *e* в тех русских заимствованиях, которые по правилам дореволюционной русской орфографии писались через *ň* (ñ): (сред.) *кык бьглой* (с. 62) (*begloj*) 'двое беглых', *со бьглойос* (с. 62) 'эти беглые';

6) буквы *э* или *е* для обозначения гласного *e* после непалатальных согласных: (каз.) *çjрес-* (с. 9) ~ *çjрес-* (с. 10, 19) (*šures*) 'дорога', *кэ* (с. 3, 10, 11) ~ *ке* (с. 5, 26) (*ke*) 'если', *сиңкашйостэс* (*šinkašjostes*) 'брови ваши (акк.)' (с. 4) — *сиңкаштес* (*šinkaštes*) 'брови ваши (акк.)' (с. 5), *çирмэт* (с. 6, 21) (*širmet*) ~ *çермет-* (с. 27) (*šermet*) 'узда', *оти но тати ветлэм çамен* ~ *оти но тати ветлэм çамэн* (с. 7) (*šamen*) 'ходя туда и сюда' (с. 77), *ветлыкыд* (с. 24) 'когда ты ходил' ~ *ветлимы* (с. 26) (*vetl(i)-*) 'мы ходили', *буйоллэç* (*bujolles*) 'от краски' — *уйоллэç* (*ujolles*) 'от хитрости, от бойкости' (с. 9), *кэжыт* (с. 18) ~ *кежыт* (с. 24) (*kežjt*) 'холодный', *кышет-* (с. 26, 26) ~ *кышет-* (с. 32) (*kjšet-*) 'платок'.

4. Композиция сборника Б. Гаврилова проста: удмуртские фольклорные тексты различных жанров на языке оригинала (с. 3—73), их переводы на русский язык с некоторыми комментариями к ним (с. 74—143), удмуртские легенды и предания в переложении на русский язык (с. 144—154), описание поверий и обрядов северных удмуртов на русском языке (с. 155—186), «произношение букв со значками» (с. 187) и опечатки (с. 187—189).

В книгу вошли произведения следующих жанров традиционного удмуртского фольклора: 1) песни: а) четырехстрочные — 216, б) сюжетные — 24; 2) загадки — 172; 3) сказки — 14; 4) куриськоны (языческие молитвы) — 5; 5) легенды и предания — 5. Причем произведения большинства жанров (1—4) даны на удмуртском и русском языках и меньшая часть (легенды и предания) — лишь в переводе на русский. Эти тексты на удмуртском языке репрезентируют в основном три группы говоров: 1) казанский диалект (по современному диалектному членению удмуртского языка кукморский и шошминский говоры); 2) средне-западные говоры (или увинско-вавожская группа срединных говоров); 3) глазовский диалект (средне-чепецкий диалект северного наречия). Жанровое и количественное распределение фольклорных произведений по указанным диалектам см. в таблице:

Диалекты	Жанры удмуртского фольклора			
	песни	загадки	сказки	молитвы
Казанский диалект кукморский говор	216	75	6	2
шошминский говор			4	1
Срединные говоры	23		4	1
Северное наречие		20		1
Без точной паспортизации		77		
	ВСЕГО 239	172	14	5
				ИТОГО 430

5. Как явствует из таблицы, абсолютное большинство удмуртских текстов репрезентируют казанский диалект в целом; сказки и куриськоны, имеющие более точную паспортизацию с указанием населенного пункта их фиксации, относятся конкретно к кукморскому или шошминскому говору. Что касается четырехстрочных песен удмуртов, «живущих в Казанской губернии и в южной части Малмыжского уезда Вятской губернии» (с. 3—37), и 75 загадок, записанных «в разных мѣстностях Казанской губернии и в пограничных съ Каз. губ. селениях Вятск. губер.» (с. 48—51), то их отнесение к кукморскому или шошминскому говору не представляется возможным, за исключением тех случаев, когда в тексте песни упоминается тот или иной топоним; в последнем случае принадлежность песни тому или иному говору очевидна. Например: *Шыңыл но піос купес эвъл, Купес піослеш кэм эвъл* (с. 9). 'Жители Шунбашские хотя не купцы, но не хуже купцов' (с. 79); *Шы н вуэдлэн кузяяз Гауыз чыбор вудор вань* (с. 9) 'Около рѣчки Шуни есть пестрогрудая цапля' (с. 79); *Каңса арнылйослэн кыржамзы Каңса ар вјосад шуккискоз* (с. 18). 'Пѣние Коньсарских дѣвушек отдается на Коньсарской водѣ' (с. 87). Встречающиеся в вышеприведенных отрывках из песен ойконимы *Шыңыл* (= д. Верхняя Шунь), *Каңсар* (= д. Канисар) и гидроним *Шын* (= р. Шунь), расположенные в Кукморском районе Республики Татарстан, недвусмысленно указывают на принадлежность текстов кукморскому говору. Однако таких случаев чрезвычайно мало.

Небольшое количество текстов репрезентирует срединные говоры (23 песни, 4 сказки и 1 куриськон) и глазовский диалект (20 загадок и 1 куриськон). Часть материалов (77 загадок — с. 51—54), записанных «в разных мѣстностях Малмыжского уезда Вятской губернии» и не поддающихся более точной локализации, не может быть отнесена к какому-либо конкретному диалекту, и использование их в качестве источников изучения определенных говоров — к тому же при весьма несовершенной орфографии сборника — сопряжено с непреодолимыми трудностями.

5.1. Из этого следует, что книга Б. Г. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» является важнейшим источником для изучения в первую очередь казанского диалекта удмуртского языка — современных кукморского и шошминского говоров, хотя определенные сведения могут быть получены о срединных говорах (увинско-вавожская группа) и северном наречии (среднечепецкий диалект).

Так, на основе текстового корпуса на казанском диалекте можно выявить более 20 фонетических и свыше 15 морфологических диф-

ференциальных признаков кукморско-шошминской группы говоров. Вот некоторые из этих признаков.

5.1.1.1. В области фонемной парадигматики:

1) наличие фонемы *i* (Произведения: *ij*, *ю*), употребительной в соседстве как с велярными, так и палатальными согласными: *lij* (с. 3) 'будь' (лит. *лу*); *шijca* (с. 3) 'говоря, сказав' (лит. *шуыса*); *кюң* (с. 68) 'три' (лит. *куинь*); *сijрэс-* (с. 9) 'дорога' (лит. *сюрес*); *мijш* (с. 10 и др.) 'пчела' (лит. *муш*); *кюс-* (с. 18, 34) ~ *кijс-* (с. 32, 33) 'поясница' (лит. *кус*), *кijж* (с. 31, 56) ~ *кюж* (с. 34) 'длинный, долгий' (лит. *кузь*); *tijс-* (с. 32) 'облик' (лит. *тус*);

2) функционирование фонемы *η* (Произведения: *η*): *шын(-)* (с. 48) 'дым' (лит. *чын*); *шанга(-)* (с. 5) 'галка' (лит. *чана*); *бан-* (с. 14, 31) 'щека' (лит. *бам*); *пунитj* (с. 14) 'против, навстречу' (лит. *пумит*); *жангыш* (с. 7) 'ошибка; ошибочный' (лит. *янгыш*); *энэр* (с. 28) 'седло' (лит. *энер*); *кэнгер* (с. 48) 'ограда' (лит. *кенер*); *сэнгыс* (с. 51) 'нитка' (лит. *сiнныс*); *жыны* (с. 68, 69) 'половина' (лит. *жыны*) и т. д.;

3) спорадическая попытка зафиксировать *ə* (заднерядный вариант *j*), характерный для кукморского говора (шошм., удм. лит. *ы*) посредством букв:

а) *ы*¹³ — *дыдык(-)* (с. 7 и др.) 'голубь' (кукм. *dəddək*, шошм. *dijdik*); *тыны* (с. 23) 'дуб' (кукм. *təpə*, шошм. *tijpi*); *жыт* (с. 64) 'вечером' (кукм. *žət*);

б) *ě* — *чижёмдон* ~ *сijжымдон* (с. 24), *сijжёмдон* (с. 68) 'семьдесят' (кукм. *šizətdon*, шошм. *šizjmdon*);

в) *ö* — *тöшак* (с. 49) ~ *тышак* (с. 33) 'перина' (кукм. *təšak*, шошм. *tjśak*);

г) *e* (*келоз* (с. 50) 'останется' (кукм. *kəl'oz*, шошм. *kil'oz*).

5.1.1.2. В области фонемной синтагматики:

1) употребление фонемы *i* (шошм.) или *и* (кукм.) в конце односложных основ: *уз кə lij* (с. 14, 21) 'если не будет' ~ *узлу* (с. 25), *уз лу*, *узлу* (с. 67) 'не станет', *уз кə лу* (с. 36) 'если не будет', *ву* (с. 3) ~ *вij* (с. 11) 'вода', *сij ар* (с. 35) 'столетний' ~ *су арэс* (с. 66) 'столетний' и др.;

2) замещение *j* (~ *ə*) гласным *i* в первом слоге десятка корней перед палатальным согласным: *тиç* (с. 5, 30) 'семья' (сев. *tjś*); *вил(-)* (с. 48 и др.) 'новый' (сев. *vj'l*); *кижы* (с. 8 и др.) 'как' (сев. *kjžj*); *ижыны* (с. 59) 'спать' (сев. *jžinj*), *килем* (с. 60) 'он остался, оказывается' (сев. *kj'lem*); *сежы пиж* ~ *сеж пиж* (с. 65) 'толокно' (сев. *šezj pizj*) и пр.;

3) замещение (правда, не всегда последовательное) первичного *j* ~ *ə* гласным *i* в конце именной и глагольной основ перед суффиксальным *ij*: *шукiez* (с. 11) 'пена его' (лит. *шукыез*); *дөдие* (с. 16) 'в сани' (лит. *дөдые*); *конiez* (с. 56) 'белку' (лит. *коныез*); *шалied* (с. 28) 'камешки-то' (лит. *шалыед*); *сежие* (с. 34) 'овес мой' (лит. *сезые*) ~ но *сурyed* (с. 4) 'перекладина-то' (лит. *сюрyed*); *гозыез* (с. 60) 'веревка его' (лит. *гозыез*); *кудыен* (с. 60) 'с лукошком' (лит. *кудыен*) и т. д.;

4) у небольшой группы корней употребление в первом слоге гласного *j* на месте *i* других диалектов: *гынə* (с. 5) 'только, лишь, лишь только' (лит. *гинə*); *жынгыртоз* (с. 6) 'зазвенит' (лит. *жингыртоз*); *жыкатə* (с. 11) 'давит' (лит. *жикатə*); *чырды-* (с. 25) 'петь (о соловье)' (лит. *чирды-*); *ышкиськыса* (с. 64) 'общипавшись' (лит. *ишкиськыса*); *жыры* (с. 12) 'шарнир' (лит. *зыры*);

¹³ По наблюдениям Л. Л. Карповой (1997 : 34), этой же буквой Б. Гаврилов отмечает заднерядный вариант гласного *j* (= *ə*) и в глазовском диалекте.

5) вставка неэтимологического *-j-* или *-i-* между конечными сочетаниями согласных: *сyрыс(-)* (с. 4 и др.) 'тысяча' (лит. *сyрс*); *мырык* (с. 49) 'пень' (лит. *мырк* 'тупой'); *гырык-* (с. 56, 57) 'дупло' (лит. *гырк*); *парыс* (с. 56, 57) 'свинья; здесь: кабан' (лит. *парсь*) и пр.;

6) употребление *j* на месте лит. *и* (< праудм. **ÿ*) в первом слоге ряда основ: *шыды-* (с. 6 и др.) 'играть' (лит. *шуды-* < праудм. **šÿdÿ-*); *пыны* (с. 19, 68) 'собака' (лит. *пуны*); *нынал* (с. 26 и др.) 'день' (лит. *нунал*); *пыны-* (с. 28, 31) 'вить, плести' (лит. *пуны-*); *тышак* (с. 33) 'перина' (лит. *тушак*); *ыбо* (с. 4, 33) 'столб' (лит. *юбо*); *нынажэ* (с. 50) 'днем' (лит. *нуназе*);

7) нерегулярная замена *-и(-)* на *-j(-)* в непервых слогах слова: *кунылам* (с. 7) 'у меня под мышкой' (*-ыл-* < *ул* 'низ'); *кечы(-)* (с. 9 и др.), *кичы* (с. 27, 68) 'береза; березовый' (*-пы* < *пу* 'деревцо'); *курэк-пыз* (с. 49) 'яйцо (куриное)' (*-пыз* < *пуз* 'яйцо'); *jö-гы* (с. 50) 'погреб, ледник' (*-гы* < *гу* 'яма'); *мусыр* (с. 64) 'медовуха, брага' (*-сыр* < *сур* 'пиво') и др.;

8) замещение веларных *n, t, d* палатальными *ñ, t', d'* (Произведения: *н* ~ *п, т, д*) в положении после *i* (изредка — *e*): *пиңал(-)* (с. 6 и др.), *пинял(-)* (с. 13 и др.) 'молодой, юный; дитя' (лит. *пинал*); *кылчиң* (с. 9) 'ангел' (лит. *кылчин*); *киң(-)* (с. 9 и др.) 'кто' (лит. *кин*); *бурчиң* (с. 11 и др.) 'шелк; шелковый' (лит. *буртчин*); *Иңмар(-)* (с. 13 и др.) 'Бог; небо' (лит. *Инмар*); *сиң(-)* (с. 14 и др.) 'глаз, глаза' (лит. *син*); *жетың* (с. 36) 'лен' (кукм. *d'etiñ*; лит. *etün*), *ниң* (с. 51, 57) 'лыко' (лит. *нин*); *пунитың(-)* (с. 7 и др.) 'против, навстречу' (лит. *пумит*); *кибетың* (с. 6, 15) 'магазин' (кукм. *kebit'* 'магазин'; лит. *кебит* 'кузница'); *гы(-)* (с. 25 и др.) 'хлев' (кукм. *gid'*; лит. *гид*) и т. д.;

9) упрощение группы согласных *-pCC-*, *-lCC-* в *-pC-*, *-lC-* в корне слова: *пыд волчонтэм* (с. 4) 'такой, чтобы ноги не скользили' (лит. *вольтчонтэм*); *орчоз* (с. 5) 'пройдет' (лит. *ортчоз*); *ажады кертэм* (с. 8) 'подвезанный вами спереди' (лит. *керттэм*); *Килет но валлес чиркемлыкзе* (с. 16) 'Бодрость (акк.) рыжаго коня' (с. 85) (лит. *чырткемлыксэ*); *Сурло мерчемдэ шөдид-а?* (с. 29) 'чувствовала ли, как тупился (точнее: вонзался — В. К.) твой серп?' (с. 95) (лит. *мертчемдэ*); *курчысал* (с. 33) 'я укусил бы' (лит. *куртчысал*); *сэртыса* (с. 50) 'разбирая, распутывая' (лит. *сэрттыса*); *ворттыса кошкэм* (с. 66, 68) 'он побежал, он умчался' (лит. *ворттыса*); *ыбыртысқо* (72) 'кланяюсь' (лит. *йыбырт-тйсько*) и т. д.;

10) попытка отметить гортанный смычный согласный, встречающийся на месте обычных согласных (глухие согласные *k, t* и *p* вместо ожидаемых *g, d* и *b* перед последующим звонким): *окзе* (с. 4) 'одного' (кукм., шошм. *o'ze*; лит. *огзэ*); *ок гынэк* (с. 8) 'лишь один' (кукм. *o'gānek*, шошм. *o' gīnek*; лит. *ог гинэ*); *окназ* (с. 65) 'он один' (кукм., шошм. *o'naz*; лит. *огназ*); *арлес сөкытзе* (с. 9) 'тяжесть лет' (кукм. *šekā'ze*, шошм. *šekī'ze*; лит. *сөкытсэ*); *кышэтзе* (с. 26) 'ее платок (акк.)' (кукм. *kāšē'ze*, шошм. *kīšē'ze*; лит. *кышетсэ*); *шыдэтлы* (с. 29) 'за суп твой' (кукм. *šāde'lā*, шошм. *šjde'lj*; лит. *шыдэдлы*); каз. *Камлэн паҫкытзэ* (с. 32) 'ширину Камы' (кукм. *paškā'ze*, шошм. *paškī'ze*; лит. *паськытсэ*); *канзэ* (с. 65) 'куль его (акк.)' (кукм., шошм. *ka'ze*; лит. *кабзэ*) и др.;

11) замещение *j-* согласным *l'-* в ряде корней: *люгыт* (с. 4, 9) 'свет, светлый' (лит. *югыт*); *ляг-* (с. 10) 'сосновый бор' (лит. *яг*); *люгдоз* (с. 20) 'светает' (лит. *югдоз*);

12) изменение анлаутного *j*- в *d'*- или \check{z} - (Произведения: *j*-, *ж*-, *д*-; иногда в сочетании с последующей йотированной буквой): *жуом* (с. 1) 'выпьем' (лит. *юом*); *живор*(-) (с. 4, 13) 'весть, известие' (лит. *ивор*); *жыл*(-) (с. 5 и др.) 'верхушка' (лит. *йыл*); *жыр*(-) (с. 6 и др.) 'голова' (лит. *йыр*); *жускимы* (с. 7) 'мы распрягли' (лит. *юскимы*); *жомыш* (с. 7 и др.), *жумыш* (с. 10) 'плод, фрукт' (лит. *емыш*); *жырси*(-) (с. 18), *жырсы*(-) (с. 28 и др.) ~ *дырси*(-) (с. 36) 'волосы' (лит. *йырси*); *жез* (с. 20) 'медь, медный' ~ *јез* (с. 48) 'проводака' (лит. *ез*) ~ *дезам* (с. 19) 'съ медной оправой' (с. 88) (лит. *ьргонам*); *дят* (с. 18) ~ *јат*- (с. 16 и др.) 'чужой' (лит. *јт*) и т. д.;

13) случаи дезаффиксации первичных аффрикат в различных позициях:

а) \check{z} - > \check{z} -: *жуатэлэ* (с. 4) 'зажгите' (лит. *жуатэлэ*); *жокыт но кызэт* (с. 5) 'густая да ель' (лит. *жокыт*); *жөк* ~ *жөк*- (с. 4) 'стол' (лит. *жөк*); *жыкатэ* (с. 11) 'давит' (лит. *жыкатэ*); *жыд* (с. 16), *жыт* (с. 50), *жыт* (с. 64) 'вечером' (лит. *жыт*); *жуйы* (с. 50) 'мох' (лит. *жуй(ы)*); *жынгы* (с. 68) 'половина' (лит. *жыны*); *жутэм* (с. 67) 'приподнял, оказывается' (лит. *жутэм*) и др.;

б) \check{s} > \check{s} : *шын*- (с. 4) 'дым' (лит. *чын*); *шанга*- (с. 5) 'галка' (лит. *чана*); *кошо* (с. 50) 'сорока' (лит. *кочо*); *пышал*(-) (с. 60, 61) 'ружье' (лит. *пычал*); *гашало* (с. 61) 'навзничь' (лит. *гачоло*); *шапак* (с. 64) 'как раз' (лит. *чанапак*);

в) *-с*(-) > *-s*(-), *-ś*(-): *купес*- (с. 9 и др.) 'купец' (< рус. *купец*), *стабесэ* (с. 65) 'въ ставецъ' (с. 133) и др.;

г) \check{c} > \check{s} : *жес* (с. 4 и др.) 'добрый; хорошо' (лит. *зеч*); *бица*- (с. 7), 'собирать' (лит. *бича*-); *ускис*- (с. 18) 'смотрящий, глядящий' (лит. *укись*); *суанси* (с. 36) 'свадебщик' (лит. *суанчи*); *сорыг* (с. 48, 50) 'рыба' (лит. *чорыг*); *пашкатыса* (с. 64) 'прижимая' (лит. *пашкатыса*);

14) замена велярных аффрикат перед *-Vś*(-) или *-Vž*(-) палатальными смычными или аффрикатами:

а) \check{c} > \check{c} : *чөж* (с. 11, 64) 'утка' (лит. *чөж*); *кык чошен* (с. 11) 'вдвоем' (лит. *чөшен*); *чуж* (с. 12, 34) 'желтый' (лит. *чуж*); *чужморт*- (с. 34) 'дядя по матери' (лит. *чужмурт*);

б) \check{z} - > \check{z} -, *d'*- (Произведения: *ж*-, *ј*-): *жужалоз* (с. 9) 'взойдет' (лит. *жужалоз*), *жужыт* (с. 13 и др.) 'высокий' (лит. *жужыт*); *Мугормы жужаса вјэдыр* (с. 17) 'Мы приходимъ уже въ возрастъ' (с. 86) ~ *Мугорзы жужаса уз вуы* (с. 27) 'Не успѣють придти въ возрастъ' (с. 94) (лит. *жужаса*).

5.1.1.3. Кроме того, отмечено иное фонетическое оформление единичных слов, характерное для современных кукморского и/или шошминского говоров, но отличающееся от форм литературного языка, например: *ажля* (с. 67), *ажла* (с. 69) 'сперва; ранее' (лит. *азьло*); *арак* (с. 15, 59) 'самогон; вино' (лит. *аракы*); *ашъян* (с. 6) 'головной убор замужней женщины' (лит. *айшон*); *ачыз* (с. 4 и др.) 'он сам', *ачым* (с. 21 и др.) 'я сам' (лит. *ачиз*, *ачим*); *бадзым* (с. 10 и др.) 'большой' (лит. *бадзым*); *бон* (с. 21, 70) 'да, же' (лит. *бен*); *боржа*- (с. 58) 'закрывать' (лит. *ворса*-); *быдзым* (с. 68 и др.) 'старший; великий' (лит. *быдзым*); *бытмоз* (с. 25) 'кончится' (лит. *быроз*); *бытса* (с. 64) 'величиной с' (лит. *быдза*); *вужер*- (с. 9) ~ *вожэр*- (с. 50) 'тень' (лит. *вужер*); *гынэк* (с. 8 и др.) ~ *гынэк* (с. 8) 'лишь, только' (лит. *гинэ*); *далтэм* (с. 20, 24) '(он) уродился' (лит. *удалтэм*); *дышмон* (с. 16, 72) 'враг; злодей' (лит.

тушмон); *жисжек* (с. 4, 29) 'рожь' (лит. *žeg*); *жоргилі-* (с. 4) ~ *жолдыри* (с. 33) 'воробей' (лит. *žольгыри*); *икэм* (с. 71, 72) 'гумно' (лит. *итым*); *живор-* (с. 4, 13) 'весть, известие' (лит. *ивор*); *жырсы(-)* (с. 28 и др.) 'волосы' (лит. *йырси*); *ючы* (с. 56) 'лиса' (лит. *žичы*); *каик* (с. 8 и др.) 'подобно, будто' (лит. *кадь*); *кельшы-* (с. 6 и др.) 'понравиться, быть по нраву' (лит. *кельшы-*); *кенас-* (с. 28) 'клеть' (лит. *кенок*); *кѡдо* (с. 7, 15) 'сват' (лит. *кудо*); *леѣана* (с. 31) 'кроме, помимо' (лит. *сяна*); *мискиля* (с. 49) 'катается' (лит. *нискыла*); *налпа-* (с. 7 и др.) 'думать' (лит. *малпа-*); *отсы* (с. 61 и др.) 'туда' (лит. *отчы*); *ѡсоз* (с. 48) 'блюеть' (лит. *ѡскоз*); *паджа* (с. 49) 'лестница' (лит. *паджа*); *пеѣмыт* (с. 9) ~ *педмыт* (с. 51) 'темный' (лит. *пеймыт*); *пѡлын* (с. 13 и др.) ~ *полын* (с. 19, 26) 'среди' (лит. *пѡлын*); *поѣкы* (с. 12) 'стриж' (лит. *пѡськы*); *пушмоли* (с. 30) 'орех' (лит. *пушмульы*), *сунеп-* (с. 23) 'ил' (лит. *сумед*); *сурсыву* (с. 27) 'березовый сок' (лит. *сурсву*); *сѣж* (с. 65) 'горсть, горстка' (лит. *сузь*); *татсы* (с. 10 и др.) 'сюда' (лит. *татчы*); *торогой* (с. 6) 'жаворонок' (лит. *тюрагай*); *тѡ* (с. 65 и др.) 'озеро' (лит. *ты*); *турым* (с. 13 и др.) 'трава; сено' (лит. *турын*); *тѣкчы-* (с. 20 и др.) 'прыгнуть' (лит. *тѣтчы-*); *ѣмак* (с. 59) 'табак' (лит. *тамак*); *ум-* 'сон': *Чукна но умѣд сак медло* (с. 11) 'Утромъ сонъ твой пусть будетъ осторожнымъ' (с. 80), *Выдыса умѣ уг усыскы* (с. 20) 'Ложась спать, не могу заснуть' (с. 88) (лит. *умм-*); *чужморт-* (с. 34) 'дядя по матери' (лит. *чужмурт*); *чыректяны* (с. 69) 'кричать' (лит. *черекъяны*); *эвѡл* (с. 6 и др.) ~ *эвол* (с. 9 и др.) 'нет, не имеется' (лит. *ѡвѡл*) и т. д.

5.1.2. В области морфологии:

1) множественное число от имен существительных и некоторых местоимений на гласный образуется с помощью форманта *-jos* (лит. *-ос*): *кужойос* (с. 6, 16) 'хозяева, богачи', *ву куарайос-* (с. 33) 'журчание воды', *мак ѣаскайосыд* (с. 35) 'цветы-то мака', *коркайос-* (с. 35) 'дома', *укнойос-* (с. 36) 'окна', *тайос* (с. 57, 65) 'эти', *сойос* (с. 57 и др.) 'они', *семняйосызлы* (с. 69) 'членам своей семьи';

2) разделительный падеж образуется при помощи окончаний *-liś* (чаще) или *-leś* (несколько реже) (лит. *-лѣсь*): *туганйосылиѣ* (с. 20) '(от) моих родственников', *солиѣ* (с. 21, 57) 'его (абл.)', *Иѣмарлиѣ* (с. 24) 'от Бога', *уколиѣ* (с. 28) 'из позумента (серебряных нитей)', *ческыт умѣлиѣ* (с. 29) 'от моего сладкого сна', *кагазлиѣ векчи* (с. 35) 'тоньше бумаги', *бурчинѣлиѣ небыт* (с. 35) 'мягче шелка', *писпулиѣ* (с. 58) 'из дерева', *Ки орчемлиѣ кыл орчемлиѣ уѣ Иѣмарѣ* (с. 72) 'Отъ длинныхъ рукъ (убійць), отъ длинныхъ языковъ (сплетень), храни Боже' (с. 141) и др. ~ но *мѣлѣс но ческыд* (с. 5) 'слаще меда'; *Самаваредлѣс моторѣз Буйоллѣс эвѡл манерлѣс* (с. 9) 'Красота твоего самовара не отъ краски, а отъ формы' (с. 79), *важйослѣс эвол чабейлѣс* (с. 10) 'не из полбы, [а] из пшеницы' и т. д.;

3) показателем исходного падежа имен существительных является морфема *-iś* (лит. *-ысь*) *кѡкыиѣ нуны* (с. 5) 'младенец из колыбели', *Букариѣ* (с. 6) 'из Бухары', каз. *пинялиѣ* (с. 13) 'смолоду', *Кузониѣ* (с. 21) 'из Казани', *бакчаиѣ* (с. 28) 'с огорода', *Мускоиѣ* (с. 36) 'из Москвы', *пужым гырыкиѣ* (с. 57) 'из дупла сосны', *Глаз кариѣ* (с. 59) 'из города Глазова';

4) отдалительный падеж имеет формант *-iśen* (лит. *-ысен*): *вожиѣсѣн* (с. 8) 'когда еще зелен', *кожиѣсен кожѣ* (с. 11) 'из залива в залив',

гуртиçэн гуртэ (с. 11) 'из деревни в деревню', *Иңмариçэн музъемиçэн* (с. 49) 'И с неба, и с земли', *выжулиçэн* (с. 58) 'из подполья';

5) разделительный и исходный падежи притяжательного склонения имен существительных и отдельных местоимений содержат элемент *k* вместо *t* других диалектов и литературного языка: *тилеçкыд жеçсэ* (с. 6) 'лучше вас (акк.)' (лит. *тйлесьтыд*); *милеçкым куикыез* (с. 7) 'нашу печаль (акк.)' (лит. *милесьтым*); *тыныçкыд* (с. 8) 'тебя (абл.)' (лит. *тынэсьтыд*); *атай коркаçкыт* (с. 29) 'из твоего отцовского дома' (лит. *коркасьтыд*); *кунокаиçкыз* (с. 65) 'с его постоянного двора' (лит. *кунокуаысьтыз*);

6) винительный падеж множественного числа имен существительных и некоторых местоимений образуется с помощью форманта *-iž* (лит. *-ыз ~ -ты, -ыз ~ -ды*): *Милемлы пунитъ мыниçийосыз* (с. 7) '(Людей) идущих против нас' (с. 77) (лит. *мынисьёсыз ~ мынисьёсты*); *нылийосыз* (с. 29) 'девушек' (лит. *ныльёсыз ~ ныльёсты*), *та кийосыз* (с. 60) 'этих волков' (лит. *кионьёсыз ~ кийоньёсты*); *разбойникийосыз* (с. 60) 'разбойников' (лит. *разбойникьёсыз ~ разбойникьёсты*); *тиледыз* (с. 11) 'вас' (лит. *тйледыз ~ тйледды*); *милемыз* (с. 59) 'нас' (лит. *милемыз ~ милемды*); *сойосыз* (с. 70) 'их' (лит. *соосыз ~ соосты*);

7) в качестве показателя пролатива обобщен формант *-ti* (лит. чаще *-эти*): *урамтиды орчон дыръя* (с. 16) 'когда (я) проходил по вашей улицѣ' (с. 85) (лит. *ураметиды*); *төр укнотид* (с. 37) 'через окно въ переднемъ углу' (с. 102) (лит. *укноетид*); *укноти(-)* (с. 64, 70) 'в окно, через окно' (лит. *укноетий*);

8) употребляется иллативная морфема *-e* вместо *-i* других диалектов в некоторых именах существительных и послелогах: *нюлескэ* (с. 57), *нюлэскэ* (с. 60 и др.) 'в лес' (лит. *нюлэскы*); *Ваçкимы Маржан карийосэ* (с. 10) 'прибыли в городъ Марзянь' (с. 80) (лит. *карьёсы*); *полэ* (лит. *пöлы*); *чынаяк полэ* (с. 29) 'въ чайную чашку' (с. 96), *дорэ ~ доре* (лит. *доры*); *та туган дорэ* (с. 12) 'к этому родичу', *вармэс бабаез дорэ* (с. 64) 'к тестю', *тö дорэ* (с. 65) 'к озеру', *анайез дорэ* (с. 66) 'к его матери', *Кам дорэ* (с. 70) 'к Каме', *çөрэ* (лит. *сьöры*): *кэч çөрэ* (с. 66) 'за зайцем', *со çөрэ* (с. 66) 'за ним';

9) дательный падеж от местоимений *mi* 'мы' и *ti* 'вы' оформляется с помощью форманта *-li* (лит. *-лы* и без него): *милемлы* (с. 7, 29) 'нам' (лит. *милемлы ~ милем*); *тиледлы* (с. 9) 'вам' (лит. *тйледлы ~ тйлед*);

10) множественное число усилительно-личных местоимений имеет стяженный или спорадически употребляемый полный («северноудмуртский») вариант формы: *ачмес* (с. 15 и др.) 'мы сами' (лит. *асьмеос*); *ачтес* (с. 24, 35), *ачтэс* (с. 36) 'вы сами' (лит. *асьтэос*); *ачсез* (с. 58 и др.) 'они сами' ~ *ачымэс* (с. 64) 'мы сами' (лит. *асьмеос*);

11) винительный падеж усилительно-личных местоимений множественного числа образуется иначе, нежели в литературном языке: *ачмесыз* (с. 70) 'нас самих' (лит. *асьмемыз*); *ачсэсыз* (с. 70) 'их самих' (лит. *асьсэзыс*);

12) отмечена приставка *nito-*, которая служит для образования отрицательных местоименных наречий (и местоимений): *ни но кижы* (с. 67) 'никак' (лит. *нокызьы*);

13) отрицательная форма 3-го лица множественного числа глаголов неочевидного прошедшего времени имеет особую форму: *Сойос ачсез*

сїины то дэмтэзы (с. 65) 'Они сами не знали, какъ ѣсть [овсяную муку]' (лит. *тодїллямтэ*); *Сойос воштыны шеттымтэзы но солы вожзы потыса со Вистэм тазес быттыны бергиллям* (с. 69—70) 'Они не нашли такого человекѣка, который бы промѣняль и, разсердившись, вернулись, чтобы убить плѣшиваго-дурака' (с. 138) (лит. *шедьтїллямтэ*);

14) имеются случаи образования отрицательной формы прошедшего простого очевидного времени на базе формы будущего с двухкратным повтором частицы *па*: *Нап узна луына шуса ношик вайыса жоктиллям, ожы но нап лїјэмтэ* (с. 65) 'Говоря, что еще все не густѣеть, опять отнесли и высыпали, вода все-таки не густѣла' (с. 133) (лит. *ѳз луы (на)*);

15) sporadическое употребление особой формы повелительного наклонения с частицей *мед* 'пусть, пускай' при обычной форме без нее: *мед понэ* (с. 5) 'положите' (лит. *понэлэ*) ~ *но улэлэ* (с. 5) 'живите';

16) образование деепричастия с временным значением при помощи форманта *-кї* (лит. *-ку*): *гырыны потыкыд* (с. 15) 'когда выѣзжаешь пахать' (с. 84) (лит. *потыкуд*); *кабан сїурыкыд* (с. 15) 'когда хлѣбъ складываешь въ скирды' (с. 84) (лит. *сюрыкуд*); *Пырыкыз лызэн пыроз, потыкыз тѳюен потоз. (Ниң пуппы.)* (с. 49) 'Когда входитъ (въ избу), входитъ сизымъ, а когда выходитъ, выходитъ бѣлымъ. (Молодая липа, съ которой въ избѣ сдирають лыко для лаптей.)' (с. 114) (лит. *пырыкуз, потыкуз*), *нуыкызы* (с. 67) 'когда они несли' (лит. *нуыкузы*);

17) деепричастный формант *-тос* (лит. *-тозь*): *узыен боры кїсматос* (с. 7, 10) 'пока земляника с клубникой не созрела' (лит. *кисьматозь*); *тѳю кам бусэд усытос* (с. 24) 'до тѣхъ поръ, пока не спадеть туманъ на бѣлый Камъ' (с. 92) (лит. *усыитозь*); *сїимы жомыш тырытос* (с. 26) 'наѣлись плодовъ до сыта' (с. 93) (лит. *тырытозь*); *ум куштицкылэ кулытос* (с. 26) 'не станемъ разлучаться до смерти' (с. 93) (лит. *кулытозь*); *та нужнайосыз аджытос* (с. 19) 'чѣмъ видѣть такую нужду' (с. 87) (лит. *аджытозь*); *мугормы јатэ потытос* (с. 33) 'до тѣхъ поръ, пока не наступило время отдать насъ чужимъ' (с. 99) (лит. *потытозь*); *пуп лыктытос* (с. 68) 'до прихода попа' (лит. *лыктытозь*).

5.1.3. Лексические диалектизмы кукморского и/или шошминского говоров, зафиксированные в текстах казанского диалекта (запись в фонетическом отношении не всегда точная): *абї-* (с. 64) 'теща' (лит. *варманай*); *алтын* (с. 14, 68) 'золото, золотой' (лит. *зарни*); *бабай* (с. 57) 'дед' (лит. *песятай*); *вармэс бабай-* (с. 64) 'тесть' (лит. *варматай, вармай*); *валлян* (с. 56) 'в старину; въ древнее время' (лит. *азьлон*); *дїјэ* (с. 50) 'верблюд' (лит. *верблюд, дуэ*); *жин* (с. 56) 'сходка' (лит. *ѳтчам, кенеш*); *заман* (с. 5) 'время, года' (лит. *дыр, вакыт*); *зангари* (с. 16), *зангари* (с. 22) 'голубой' (лит. *чагыр*); *јал* (с. 31) 'грива' (лит. *изнэс*); *јат-* (с. 16), *дјат* (с. 18) 'чужой' (лит. *мурт, сьѳр*); *жомыра-* (с. 70) 'развалиться, разрушиться' (лит. *куашка-*); *каза* (с. 59) 'коза' (лит. *кеч*); *калай* (с. 9) 'жестъ, жестяной' (лит. *корт лист*); *карындаш-* (с. 4) 'родственник' (лит. *чїжы-выжы, родня*); *кибетѳ* (с. 6, 15) 'магазин' (лит. *магазин*); *коңдон* (с. 18) '(серебряная) монета' (лит. *манет*); *кубыз* (с. 14) 'скрипка' (лит. *скрипка*); *кушкема-* (с. 8) 'скучать' (лит. *мѳзмы-*); *кызыны-* (с. 9) 'влюбиться' (лит. *синмаськы-*); *мотор(-)* (с. 29) 'красивый' (лит. *чебер*); *мїј* (с. 5) 'мед' (лит. *чечы*); *мырык* 'пень' (с. 49): каз. *Эксей*

ижы кычелтык. (*М ы р ы к ылы н л ь м ь л.*) (с. 49) 'Царская шапка блестящая (*кычелтык* — слово неупотребительное, означает блестяшки на снѣгу). (Снѣгъ на пнѣ.)' (с. 113) (лит. *лйял*); *назык* (с. 18, 50) 'стройный' (лит. *веськыт, веськрес*); *нярак* (с. 37, 65) 'весь, полностью' (лит. *быдэсак, вичак*); *пас* 'шуба': *шуныт валэн-пасэн* 'с теплыми шубами-лошадьми' (с. 71, 141) (лит. *шуба*); *пегжем* (с. 70) 'беглый, беглец' (лит. *беглой*); *ракмат* (с. 70) 'спасибо' (лит. *тау*); *сагыны-* (с. 12) 'скучать, грустить' (лит. *мӧзмы-*); *сендыра-* (с. 58) 'полати' (лит. *полать, сэндра*); *соу* (с. 5) 'живой' (лит. *улэп, луло*); *тегыз* (с. 22) 'ровный' (лит. *чошкыт*); *телбуго* (с. 22) 'вожжи' (лит. *биньгозы*); *туган* (с. 12) 'родственник' (лит. *чыжы-выжы, родня*); *турто* (с. 49, 50) 'оглобля' (лит. *вайыж*); *узенги* (с. 20) 'стремя' (лит. *энер лёгет*); *усто* (с. 67) 'дыра, отверстие' (лит. *пась*); *чалмо чачя* (с. 22) 'купальница европейская' (лит. *италмас*); *чын юмыш* (с. 29) 'изюм' (лит. *изюм*); *ыргыты-* (с. 66) 'кинуть, бросить' (лит. *зйрты-*) и т. д.

5.1.4. В целом создается такое впечатление, что если бы по казанскому диалекту удмуртского языка не имелось ничего, кроме этой книги Б. Гаврилова, то и в таком случае мы смогли бы составить относительно полное представление о данном диалекте. Однако следует заметить, что, во-первых, в книге получили отражение лишь наиболее яркие особенности казанского диалекта, в абсолютном большинстве своем общие для обоих (кукморского и шошминского) говоров, которые в совокупности составляют структурно-территориальную единицу удмуртского языка, которую дореволюционные исследователи именовали казанским диалектом; что же касается частных языковых явлений дифференциации кукморского и шошминского говоров, то они или не получили отражения в сборнике, или из-за неполной паспортизации текстов их невозможно приписать конкретному говору; во-вторых, в текстах казанского диалекта встречаются фонетические и морфологические особенности, в настоящее время не характерные ни для кукморского, ни для шошминского говора, в частности, спорадическое сохранение *j* перед последующими палатальными согласными и *j* инициали суффикса (кукм. *ǰ* и шошм. *j > i*):

1) перед *ś* в суффиксе возвратного залога глаголов: *кылзыскыны* (с. 8) 'послушать' (кукм. *kǰlz-iśkǰ-nǰ*, шошм. *kijlz-iśkij-nij*); *вордыскем* (с. 10) 'родимый' (кукм., шошм. *vord-iśk-em*); *кылыскоз* (с. 11) 'раздастся, разнесется' (кукм. *kǰl-iśk-o-z*, шошм. *kijl-iśk-o-z*); *мед аджыскоз* (с. 34) 'пусть виднеется' (кукм., шошм. *med a' ǰ-iśk-o-z*); *вордыскид-а* (с. 34) 'ты родился ли?' (кукм., шошм. *vord-iśk-i-d-a*); *пыныскыны* (с. 65) 'вить (веревку), заниматься витьем' (кукм. *pǰn-iśkǰ-nǰ*, шошм. *pijn-iśkij-nij*) и др.; 2) перед *ś* в показателе настоящего времени глагола: *угдыр шыдыскы* (с. 14) 'не играю, наверно' (кукм. *u', dǰr, śǰd-iśk-ǰ*, шошм. *u', dij, śjid-iśk-i*); *умэ уг усыскы* (с. 20) 'не засыпаю' (кукм. *ume ug uś-iśk-ǰ*, шошм. *ume ug uś-iśk-i*); *улыско* (с. 68) 'живу; пребываю' (кукм., шошм. *ul-iśko*); *ыбыртыско* (с. 72) 'кланяюсь' (кукм. *d'ǰ-bǰrt-iśko*, шошм. *d'ijbirt-iśko*) и т. д.;

3) перед *j* в именных основах (*гуреж выжыяд* (с. 4) 'под горой-то' (кукм. *vǰǰi-ja-d*, шошм. *vǰǰi-ja-d*); *нуньед* (с. 5) 'дитячко твое' (кукм., шошм. *nuni-jed*); *чиңыйад* (с. 10) 'на твой палец' (кукм., шошм. *čini-ja-d*); *бусые* (с. 15) 'в поле' (кукм., шошм. *busi-je*); *лымыед* (с. 20) 'снег-

то' (кукм. *l̥t̥i-jed*, шошм. *l̥i̯ti-jed*); *чуңыед* (с. 25) 'жеребенок твой' (кукм., шошм. *çi̯ni-jed*); *интыяз* (с. 26) 'на месте (его)' (кукм., шошм. *inti-ja-z*); *бусыез* (с. 51) 'поле (акк.)' (кукм., шошм. *busi-jez*); *тöйен* (с. 49) 'белым; в белом' (кукм., шошм. *töd'i-jen*) и пр.

5.2. С одной стороны, сравнительно небольшой корпус включенных Б. Гавриловым в сборник текстовых материалов по срединным говорам и глазовскому диалекту и, с другой, мощное воздействие казанского диалекта на Б. Гаврилова, которым, по-видимому, он овладел в совершенстве и через призму специфических особенностей которого пропускал записываемые на других удмуртских диалектах тексты, чрезвычайно затрудняют выявление различительных признаков иных структурно-территориальных единиц удмуртского языка; но тем не менее можно указать на некоторые особенности этих диалектов, получившие отражение в книге.

5.2.1. Особенности срединных говоров:

а) сохранение гласного *j̥* в ряде корней перед палатальным согласным: *ыжом* (с. 64) 'поспим', *быжэ* (с. 64) 'выходит замуж';

б) употребление *i* в корне слов на месте *j̥* ~ *ä* в казанском диалекте: *гинэ* (с. 44) 'только, лишь';

в) функционирование аффрикат (*дж*, *ти*) в тех позициях, в которых в казанском встречается щелевой согласный: *çермэт жедж* (с. 40) [*šer-met ʒeʒ*] 'повод узды', *кыдж пу* (с. 41), *кедж пу* (с. 43) [*kjʒri*] 'береза', *котшо* (с. 40, 46) [*koʃo*] 'сорока';

г) сохранение сочетания *-л'СС-* и *-рСС-* в основе слова: *палткашкы-* (с. 41) 'расплескаться' (кукм. *pal'kaškä-*); *туртто* (с. 63) 'стараятся, пытаются' (кукм. *turto*);

д) сохранение в определенной группе слов *j-* в позиции перед *-Vк(-)* и *-Vг(-)* (в казанском *l'-*): *лукишконтэм киосмэс луконо луим* (с. 42) 'пришлось развести руки (т. е. разстаться сь ними), хотя мы этого не хотѣли' (с. 106), *яг* (с. 43), *яг* (с. 44) 'сосновый бор', *тыл лугытэн* (с. 41) 'при свете огня' (казанский вариант этих форм см. 5.1.1.2);

е) функционирование характерной для срединных говоров стяженной формы суффикса возвратного залога: *бэрыткэм* (с. 41) 'повернулся, обратился (оказывается)', *куткэм* (с. 63) 'она начала';

ж) употребление суффикса инструментала в функции соединительного союза *по* 'и' при однородных именах существительных: *кионэн гондырэн* (с. 52) 'волк и медведь' (кукм. *kijon po gondär*); *уконоен гурэн* (с. 52) 'окно и печь' (кукм. *u'no po gur*); *мумы корэн, вöлдэтэн* (с. 53) 'матица и потолочины' (кукм. *tutäkor po völdet*) и пр.;

з) наличие специфических лексем: *ңуң* (с. 45) 'старший брат', *тел-* (с. 61, 62, 63) 'лес', *мумиз* (с. 63) 'мать ее', *айыз* (с. 63) 'отец ее' и др.

5.2.2. Некоторые дифференциальные признаки северного наречия:

а) сохранение веллярности *d* после *i*: *гид* (с. 54) 'хлев';

б) образование пролатива с помощью форманта *-iti*: *лудыти* (с. 55) 'по полю';

в) наличие направительного падежа (позднего происхождения) на *-ñ-*: *одиг огзыңе* '(они) друг к другу' (с. 55);

г) употребление ряда специфических лексических диалектизмов: *шыкыс* 'сундук' (с. 54), *çакан* 'рогожа', *кобла* 'кобыла', *биңгозы* 'возжи' (с. 55) и др.

6.1. Книга Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» оказалась крайне ожидаемым явлением в удмуртской филологии конца XIX века. Своевременность ее издания нашла выражение в том, что с одной стороны, она сразу же после выхода в свет привлекла к себе внимание зарубежных ученых того времени и буквально через 2—3 года часть текстов была переиздана Максом Бухом на удмуртском и немецком языках (Buch 1882 : 90—104, 110—122) (всего 26 песен, 51 загадка, 5 образцов четырехстрочных песен паремииологического характера или отрывков из них и 10 преданий и сказок — последние лишь на немецком языке) и Бернатом Мункачи с параллельным переводом на венгерский язык (Munkácsi 1883) (всего 6 сказок, 120 загадок, 117 песен и 5 языческих молитв).

С другой стороны, она открыла целую серию последовавших в конце XIX — начале XX века аналогичных публикаций удмуртских фольклорно-диалектологических текстов, составленных как зарубежными учеными с параллельным переводом удмуртских текстов на финский, венгерский и немецкий языки (Aminoff 1886; Munkacsı 1887; Wichmann 1893; 1901a; 1901b; Lach 1926¹⁴), так и отечественными — с переводом на русский язык (Первухин 1888; Смирнов 1890 : 1—39; Багин 1897; Wasiljev 1902 : 125—139; Васильевъ 1906 : 337—345; Борисов 1929)¹⁵. Этот новый оригинальный совокупный материал, который в последнюю четверть XIX века поступил в распоряжение финно-угроведов, дал возможность удмуртскому языкознанию того времени подняться на качественно новую ступень.

6.2. Современники Б. Гаврилова и последующие исследователи, не обремененные определенными политическими и прочими предубеждениями, весьма положительно отзывались о его книге.

Так, Б. Мункачи, познакомившись через данный сборник с произведениями удмуртского фольклора, писал: «Удмурт в общем трудолюбивый, но наряду с этим веселый и добродушный, можно сказать, человек поэтической души. Кто умеет наслаждаться проявлениями наивного народного духа, тот найдет много прекрасного в их песнях, в остроумных загадках и рассказах» (Munkácsi 1883).

Вполне современно звучат слова И. Н. Смирнова о сборнике, высказанные им печатно более века назад: «Сборникъ Гаврилова составляет первый по времени опытъ болѣе или менѣе научнаго изданія произведений народнаго творчества Вотяковъ. [---] Мы не беремъ на себя смѣлости судить о достоинствѣ филологическихъ записей Гаврилова, но въ пользу изданія можетъ говорить то, что тексты Гаврилова были переизданы съ венгерскимъ переводомъ въ Будапештѣ мадьярскимъ филологомъ Мункачи. Въ пользу ихъ содержанія говорить переводъ на нѣмецкій языкъ в книгѣ М. Buch. Первое мѣсто по количеству в сборникѣ занимаютъ пѣсни, но с культурно-исторической точки зрѣнія большаго вниманія заслуживаютъ сказки и преданія... Преданія о Тутюфѣ и Янтамырѣ, Ваткѣ и Калмезахъ, о книгѣ, о разрушении куалы въ Вяткѣ, объ Идна-батырѣ заключаютъ вѣсьма цѣнные историческія и бытовыя черты» (Смирнов 1890 : 280—

¹⁴ Материал был записан в 1915—1917 гг.

¹⁵ Основу книги составили записи автора 1913 г. (Борисов 1929 : XVI).

281)¹⁶. По мнению К. Герда (1929 : 40), сборник Б. Гаврилова не потерял своей ценности и в наше время (в 20—30-е годы XX в.) и должен стать настольной книгой для каждого образованного удмурта. Современные исследователи огромное историческое значение данной книги видят в следующем: во-первых, она послужила своего рода учебной хрестоматией по удмуртской литературе для обучения и воспитания многих просветителей и деятелей удмуртской культуры конца XIX — начала XX столетия (И. С. Михеева, М. И. Ильина, И. В. Яковлева, Г. П., М. П., А. П. и М. П. Прокопьевых, И. Шкляева, Кедр Митрея и др.); во-вторых, она положила конец измышлениям о том, что удмуртский народ не имеет своего собственного устно-поэтического творчества (Владыкин, Поздеев 1980 : 48, 49).

Сокращения

глаз. — глазовский диалект; **каз.** — казанский диалект; **кукм.** — кукморский говор южного наречия; **сев.** — северное наречие удмуртского языка; **сред.** — срединные говоры; **шошм.** — шошминский говор южного наречия.

Азбука Гл. — Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обучения Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Глазовскому). Казань 1847; **Азбука Сар.** — Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученїи Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Сарапульскому), Казань, 1847; **Еванг. Гл.** — Господа нашего Иисуса Христа Евангелїя отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчїя, Казань, напечатанъ въ типографїи Императорскаго Казанскаго университета, 1847; **Еванг. Сар.** — Господа нашего Иисуса Христа Евангелїе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчїя, Казань 1847; **Евангелїе** — Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелїе отъ Матѳея, Издание Православнаго Миссіонерскаго Общества, Казань 1877; **Кротовъ** — З. К р о т о в, Удмуртско-русский словарь. РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы, Ижевск 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 года) (Памятники культуры Удмурти. Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии I). **Могилинъ** — М. М о г и л и н, Краткой отяцкїя Грамматика опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики, Ижевск 1998 (Памятники культуры. Лингвистическое наследие); **Произведенїя** — Б. Г а в р и л о в, Произведенїя народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній, Казань 1880; **Св. Ист.** — Священная Исторїя Ветхаго и Новаго Завѣта на Вотяцкомъ языкѣ, Изд-їе Православнаго Миссіонерскаго Общества, Казань 1877; **СВС** — Краткий славяно-вотскїй словарь. Пособїе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта, Изд-їе Православнаго Миссіонерскаго Общества, Казань 1892; **УРЭ** — Удмуртская Республика. Энциклопедия, Ижевск 2000.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Багинъ С. 1897, Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда. Этнографический очеркъ. — Этнографическое обозренїе, № 2, 59—92.
Блинов Н. Н. 1867, Лыдзонь. Азбука для вотскихъ детей, Вятка.
Борисов Т. К. 1929, Песни южныхъ вотяков, Ижевск.
Бутолін А. 1941, Вопросы развитїя удмуртской поэзии. — Записки УдмНИИ истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удм. АССР, Ижевск, 35—61.

¹⁶ Оценку И. Н. Смирновым историко-этнографической значимости произведений прозаических жанров удмуртского фольклора из собрания Б. Гаврилова почти дословно повторяют в своей работе В. Е. Владыкин и Л. С. Христолюбова (1984 : 24—25).

- В а с и л ь е в ь И. 1906, Обзоръніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ Казанской и Вятской губерній. — Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ, т. XXII, Казань, вып. 3, 185—219; вып. 4, 253—276; вып. 5, 321—349.
- В л а д ы к и н В., П о з д е е в П. 1980, Сю аресъем удмурт книга. — Молот, № 12, Ижевск, 48—49.
- В л а д ы к и н В. Е., Х р и с т о л ю б о в а Л. С. 1984, История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией, Ижевск.
- Г а в р и л о в Б. Г. 1891, Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода. — Труды IV археологического съезда, Казань, 80—156.
- Г е р д К. 1929, Калыккылос книгаёс. — Кенеш, № 5, 40—41.
- К а р п о в а Л. Л. 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Тарту.
- П е р в у х и н Х. Г. 1888, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ III. Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ и дидактическихъ), Вятка.
- П о з д е е в П. К. 1976, Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменныхъ источникахъ XVIII века. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск, 116—119.
- С м и р н о в ь И. Х. 1890, Вотяки. Историко-этнографический очеркъ, Казань (Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ, т. 8, вып. 2).
- Т е п л ы ш и н а Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века, Москва (АН СССР. Институт языкознания).
- У в а р о в А. Н. 2000, Роль переводов Библии в формировании дореволюционной удмуртской литературы. — Вордскем кыл, № 5, 65—70.
- Х а р л а м п о в и ч ь К. П. 1907, П. Масловский и его переписка съ Н. И. Ильминскимъ (Материалы для исторіи русской миссіи). — Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ, т. XXIII, вып. 2, 67—109; вып. 3, 163—224.
- A m i n o f f T. G. 1886, Wotjakilaisia kielinäytteitä. — JSFOu. I, 32—55.
- B u c h M. 1882, Wotjäken, eine ethnologische Studie, Helsingfors.
- L a c h R. 1926, Gesänge russischer Kriegsgefangener I. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge, Wien—Leipzig, 1—99.
- M u n k á c s i B. 1883, Wotják nyelvmutatványok. — NyK XVII, 247—302.
— — 1887, Wotják népköltészetі hagyományok, Budapest.
- W a s i l j e v J. 1902, Übersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben und Religion der Wotjaken in den Gouvernements Wjatka und Kasan, Helsingfors (MSFOu XVIII).
- W i c h m a n n Y. 1893, Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche, Helsingfors.
— — 1901a, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen, Helsingfors.
— — 1901b, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsingfors.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

**ON THE HISTORY OF UDMURT LINGUISTICS:
FIRST EXPERIENCE IN THE PUBLICATION
OF FOLKLORE AND DIALECTOLOGICAL TEXTS**

Collected texts "Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній" compiled by Boris Gavrilovič Gavrilov were published in Kazan in 1880. B. Gavrilov comes from the Tatars. He was a priest and

В. К. Кельмаков

studied the Udmurt language and spiritual culture of the Udmurts, mainly in the Udmurt villages of Mamadiš and Kazan districts of the Kazan region. B. Gavrilov also visited some villages in Sarapul and Glazov districts of the Vjatka region. Having collected folklore, dialectological and ethnographic material during the expeditions, B. Gavrilov published two works among which was the book mentioned above.

"Произведения..." is considered the first experience in scientific publications of Udmurt folklore and dialectological texts in the way they were collected and written down by the author himself. The elements of a scientific publication in "Произведения...", though not regularly and not in consecutive order, can be seen in the following: 1) the author preserves all dialectal peculiarities of original texts; 2) the texts are translated into another (Russian) language; 3) the book provides information where the texts were written; 4) all texts have certain linguistic and ethnographic commentaries. Taking into consideration the peculiarities mentioned above, the book by B. Gavrilov is of special significance both for Udmurt dialectology and folklore.